

Николай ДОВЖЕНКО

Политические силы в постсоциалистических обществах. Румыния

Мы продолжаем публикацию серии материалов, призванную помочь разобраться в изменчивой и многоликой гамме политических партий и движений Восточной Европы. В предыдущих номерах были опубликованы статьи о политических партиях и движениях Болгарии, Польши, объединенной Германии. В следующих номерах читайте статьи об Албании и Югославии.

В результате декабрьского (1989 г.) переворота в Румынии носитель тоталитарного контроля — *Румынская коммунистическая партия* (РКП) — в одночасье оказалась на обочине общественного развития. Это позволило очень быстро организовать общественным силам различных направлений и начать заполнять возникший политический вакуум. После нескольких десятков лет безраздельного господства коммунистической номенклатуры было положено начало формированию многопартийной политической системы, основанной на политико-идеологическом плюрализме.

Пытаясь выявить особенности формирования в Румынии демократической среды вообще и становления новой политической системы в частности, уместно указать на то, чем эти особенности обусловлены. И здесь приходится констатировать известную aberrацию нормального хода исторического развития. Она заключается в том, что задачу движения исторически правого толка — демонтаж социализма и капитализацию общества — брала на себя организация явно левой политической ориентации. Это обстоятельство породило не только множество несуразностей в политическом облике общества, но и острейшую политическую борьбу, не раз в течение последующих двух лет перераставшую в попытки решать политические разногласия с оппонентами силовыми методами.

Когда в Восточной Европе появилась возможность демонтажа бюрократического социализма (а подобная задача всегда была актуальной), в Румынии в отличие от ряда соседних стран, где господство тоталитаризма уже не было столь подавляющим, не оказалось организованной силы, способной квалифицированно решить эту задачу. В таких условиях более дальновидная часть коммунистической номенклатуры взяла на себя дело ликвидации деспотического режима Чаушеску. И как бы это ни обставля-

Довженко Н. И. — тучный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН. Специалист в области социально-экономического и политического развития Румынии.

лось в момент событий или ни интерпретировалось позднее, целью ее было, разумеется, остаться у власти, чтобы формировать (или деформировать) окружающую политическую среду в своих интересах.

Достаточно очевидно, что развитие постдиктаторской Румынии рисовалось номенклатурным реформаторам по типу советской перестройки, которой они, несомненно, вдохновлялись. Однако политическая смерть и развал РКП, и особенно ярко выраженная антикоммунистическая (а не только антидиктаторская) направленность выступлений населения, смешали все расчеты. Новая власть в лице *Фронта национального спасения* (ФНС)¹ во главе с И. Илиеску не решалась включить в свои программные заявления и нормативные акты какие-либо упоминания о социализме, пусть даже в варианте «обновленном», «демократическом», с «человеческим лицом», или хотя бы о «социалистическом выборе».

Оплошность с заявлением о том, что ФНС рассматривает себя как временную власть, ориентированную главным образом на подготовку свободных демократических выборов в стране, породила затяжные общественные конфликты после того, как руководство ФНС изменило свое решение. Решившим участвовать в парламентских и президентских выборах новым лидерам понадобилась политическая организация, на которую можно было бы опереться при подготовке и проведении выборов. Возглавив ФНС (теперь уже как политическое движение), руководство, состоящее из номенклатурных реформаторов, создало себе удобный политический плацдарм, ставший для бывших коммунистов и удобным убежищем.

Растерянность и неуверенность руководства ФНС прошли только после преодоления колебаний относительно того, обнаруживать ли свою приверженность «неокоммунизму» (о чем, кстати, лидеры оппозиции заговорили практически сразу же после переворота). Действительно, ФНС пришел к власти с помощью испытанных коммунистических методов. Правда, нельзя забывать, что в условиях Румынии другого пути просто не было, и сам по себе этот факт окончательно и бесповоротно не предопределял коммунистичность руководства ФНС. В принципе, здесь была возможна революция, что позднее в известной мере и подтвердилось. Куда важнее оказалось и для Совета ФНС, и для оппозиции то обстоятельство, что коммунистическая номенклатура, формально отождествив себя с целями ФНС (а в силу присущего ей оппортунизма это оказалось совсем не трудно), «перетекла» в его территориальные советы — местные органы новой власти. Тем самым она создала себе удобные позиции для блокирования и саботажа любых прогрессивных, но негодных ей решений, принимаемых центральной властью, и для оказания давления на эту власть.

В немалой степени именно с данным обстоятельством были связаны маневры руководства ФНС по вопросу о судьбе коммунистической партии как организации, породившей диктатуру, а затем ставшей покерным орудием в ее руках, попытки перенести всю тяжесть ответственности перед народом на поверженного диктатора, членов его семьи и ряд его ближайших приспешников, а саму РКП объявить просто более несуществующей. Принятие же под давлением оппозиционных сил декрета об объявлении РКП вне закона и последующее его аннулирование показали оппозиции, что лидеры ФНС отнюдь не независимы и не могут пренебрегать интересами тех реальных сил, которые все еще повсеместно остались у власти, даже если эти интересы не вполне совпадали с их личными интересами, убеждениями и истинными намерениями. В известном смысле руководство оказалось поставленным в ситуацию выбора между двумя силами: с одной стороны, это бывшие коммунисты, обладающие реальной силой на местах, с дру-

¹ Создан 22 декабря 1989 г как объединение антидиктаторских сил без четкой политической окраски, которое временно *до проведения* свободных демократических выборов, взяло на себя роль верховной государственной власти.

гой — нетерпеливая, а в силу слабости и агрессивная, оппозиция, лидеры которой шли на крайние требования не в последнюю очередь ради самоутверждения и приобретения престижа среди своих сторонников, хотя, в принципе, им нельзя было отказать в правоте.

Руководство ФНС встало, однако, на третий путь. Создав организационные структуры ФНС как политического движения и возглавив его, оно «купило» лояльность части старой номенклатуры, но принесло с собой новую программу, содержащую отказ от идеологической доктрины марксизма-ленинизма, от социализма и коммунизма как конечной цели и от демократического (а на деле неизменно бюрократического) централизма как метода организации и функционирования. Стало ясно, что политическое руководство страны обнаружило склонность к более далекой идущей и достаточно глубокой трансформации тоталитарных структур, доставшихся ему в наследство от прежнего режима. Иначе трудно было понять принятие, по существу, социал-демократической программы ФНС, состоявшим преимущественно из коммунистов.

В условиях усиления требований оппозиции об отставке правительства и руководства ФНС последнее пошло на реорганизацию высшего законодательного органа — Совета ФНС — во *Временный совет национального согласия* (ВСНС) путем включения в него представителей всех зарегистрированных партий, обеспечив ФНС (имеется в виду созданное под новые задачи политическое движение) по меньшей мере половину мест.

С образованием *политического движения ФНС*, заполнившего собой левую часть политического спектра Румынии, завершился начальный этап перехода к многопартийной политической системе. Содержанием его было образование собственно политических партий и движений, выработка ими своих программ и, естественно, возникновение конфликтных отношений правых и левых организаций при отсутствии согласованных правил политической игры.

Был восстановлен ряд довоенных политических партий правого и право-центристского толка, прежде всего традиционно называемых в Румынии историческими. *Национал-цэрэнистская христианская демократическая партия* (НЦХДП) считает себя преемницей запрещенной в 1947 г. *Национал-цэрэнистской партии* с вновь возникшей *Христианской национал-цэрэнистской партией*. По данным на февраль 1990 г., НЦХДП насчитывала 500 тыс. членов. Она выступает за возвращение к рыночной экономике, за частное землепользование, возрождение христианских духовных ценностей, за территориальную целостность страны, за защиту прав и свобод граждан. Своей социальной базой считает сельское население, часть интеллигенции, верующих. Однако попытки НЦХДП обрести поддержку крестьян в ходе выборов 1990 г. ощутимых результатов не дали. Фактически НЦХДП стала партией консервативно настроенной интеллигенции и части горожан.

Национал-либеральная партия (НЛП) также была под запретом при коммунистах. В апреле 1990 г. возрожденная партия (председатель — Р. Кымпяну) насчитывала 200 тыс. человек, ее социальная база — интеллигенция, студенчество, часть рабочих столицы и крупных промышленных центров. Требуется гарантии индивидуальных свобод как условия раскрепощения творческих сил во всех сферах деятельности, обеспечения реального разделения властей, восстановления демократии, гражданских свобод, создания механизма контроля за бюрократией; в области экономики — приватизация предприятий и рыночные реформы, обеспечение профсоюзных свобод и права на забастовку, вовлечение рабочих в управление и участие в доходах предприятий. В политическом спектре Румынии НЛП представляет центр.

Возродилась и *Социал-демократическая партия*, поглощенная КПП в 1948 году. Председателем ее стал С. Кунеску. Эта партия выступила с рез-

кой критикой всего, что связано с деятельностью коммунистов в области как идеологии, так и экономики и политики. Приватизацию считает единственным путем к процветанию, но полагает необходимой предварительную психологическую подготовку трудящихся. Как социал-демократическая партия рассчитывала на поддержку рабочих, но в ходе выборов 1990 г. ее не получила.

В целом формирование политических партий приняло, как мало где в Восточной Европе, крайне взрывной характер. Ко времени назначенных на апрель, а затем перенесенных на 20 мая 1990 г. президентских и парламентских выборов число зарегистрированных партий достигло 88. Можно сказать, что в сложившемся к тому времени политическом спектре акцент в целом был смещен вправо, хотя большинство сколь-нибудь влиятельных партий склонны были считать себя центристскими.

Возникновение огромного для небольшой страны количества партий, вероятно, закономерно в обществе, пытающемся перейти от тоталитарной диктатуры к той или иной форме демократии. Здесь прежде всего проявилась реакция на внезапное исчезновение силы, подавляющей политический и идеологический плюрализм и навязывающей искусственное единство, а также на отсутствие в период диктатуры каких-либо форм общественной самоорганизации. Однако нельзя забывать, что в основе множественности партий на этом этапе лежали не столько различия в реальных объективных интересах социальных групп, сколько личные устремления, амбиции политических деятелей. Кроме того, в условиях Румынии взрывной характер образования политических партий и формирований был обусловлен в немалой степени и тем, что оказавшийся у власти ФНС, стремясь в полной мере использовать благоприятную для себя ситуацию, назначил кратчайшие сроки для подготовки к президентским и парламентским выборам.

В период с момента создания ВСНС как своеобразного минипарламента до парламентских выборов в Румынии едва ли можно было говорить о подлинной демократии или функционирующей политической системе плюралистического типа, хотя формально существовали практически все элементы того и другого. Политологический анализ происходивших в Румынии событий свидетельствовал, что диктатура номенклатурного слоя не канула в Лету, а лишь видоизменилась. Собственно говоря, она вообще нигде не уходила. Очень быстро обнаружилось, что новая власть (здесь речь не идет о намерениях лидеров ФНС) руководствовалась в своих заявлениях и мероприятиях не столько демократическими убеждениями, сколько соображениями конъюнктуры. Сам переворот конца 1989 г. был направлен не против власти номенклатуры как таковой, а явился, в сущности, результатом ее раскола и был в немалой степени элементом мимикрии, способом приобретения номенклатурой новой легитимности.

Подлинная демократия, разумеется, не была и не могла быть целью номенклатуры, поскольку работала бы против ее интересов. Элементы демократии в Румынии пробивали себе дорогу лишь потому, что ни внешние, ни внутренние условия уже не позволяли помешать их возникновению. Из-за потери тотального контроля номенклатуре оставалось лишь включиться в жизнь в создающейся демократической среде, по возможности придавая ей приемлемый для себя вид. Свержение верхушки тоталитарного режима дало желанную возможность номенклатуре, особенно той ее части, которая вполне осознала неизбежность грядущих перемен, лишить их радикальности, дозировать их с тем, чтобы успеть реализовать свою сверхзадачу — приватизировать государственную собственность и тем самым адаптироваться к жизни при ином общественно-политическом строе.

Развернувшаяся политическая борьба при всей кажущейся ее отстраненности от указанной проблемы в конечном счете отражала борьбу за решение судьбы общественной собственности, которая при социализме хотя и существовала в виде государственной, но использовалась бюрократией

(пусть и незаконно с позиций права) в качестве корпоративной собственности. В новых условиях речь шла уже о том, как разделить эту собственность и присвоить ее на законных основаниях.

Если абстрагироваться от экономической подоплеку эволюции на политической арене Румынии, то упомянутое ранее создание ВСНС было, конечно, попыткой ввести политическую борьбу в более мирное русло. Однако в целом оно не дало ожидаемого результата. Основным смысл этого мероприятия свелся к тому, чтобы фактически завуалировать и легитимизировать доминирование ФНС в этом органе верховной власти, которое вполне справедливо воспринималось оппозиционными силами как незаконное.

Ввиду неуступчивости ФНС и отсутствия действенного механизма регулирования и разрешения политических разногласий в рамках ВСНС оппозиции пришлось неоднократно прибегать к «уличной демократии», чтобы оказать давление на власти. Об остроте политической напряженности свидетельствуют, например, проводившиеся с 22 апреля по 13 июня 1990 г. в центре Бухареста непрерывные антикоммунистические митинги и акции протеста, направленные против ФНС, правительства и президента. Характерно, что даже результаты президентских и парламентских выборов 20 мая 1990 г., свидетельствовавшие о победе ФНС и лично Илиеску, избранного на пост президента Румынии, не погасили накала страстей. Новое же руководство, до выборов стремившееся избежать острой реакции на происходившее, после получения мандата на выборах решилось на репрессивные акции против демонстрантов, вызвав столкновения. Правительство вновь (как и в феврале 1990 г. при схожих обстоятельствах) обратилось за помощью к шахтерам, которые, приехав в Бухарест, учинили вакханалию насилия. Наводя «порядок», они разгромили штаб-квартиры ряда оппозиционных партий и редакций независимых изданий. Это достаточно определенно указывало на подлинный замысел правящих кругов страны, заговоривших в оправдание своих действий о «сценарии дестабилизации с целью государственного переворота».

Осуждение этих действий румынских властей Западом и рядом бывших европейских социалистических стран, последовавшие вслед за этим экономические санкции со стороны США и ЕС установили предел толерантности мирового сообщества в отношении коммунистических методов борьбы ФНС со своими политическими противниками. ФНС вынужден был перейти к достижению своих целей более демократическим путем.

Положительным результатом указанных драматических и даже трагических событий явилась несколько большая сдержанность основных участников политического процесса. Кроме того, благодаря президентским и парламентским выборам политическая борьба хотя бы отчасти вошла в рамки более цивилизованных, парламентских процедур.

Расстановка политических сил в стране после выборов осталась, в сущности, той же, что и в период подготовки к ним, т. е. неблагоприятной для оппозиции. Это достаточно наглядно иллюстрирует распределение мандатов в парламенте, состоящем из двух палат: Собрания депутатов (387 чел.) и Сената (119 чел.). ФНС получил в них, соответственно, 263 и 92 места, Демократический союз румынских венгров — 29 и 12, НЛП — 29 и 9, Экологическое движение Румынии — 12 и 1, НЦХДП — 12 и 1, Партия национального единства румын Трансильвании — 9 и 2, Демократическая аграрная партия Румынии — 9 и 0, Румынская экологическая партия — 8 и 0, Социал-демократическая партия Румынии — 2 и 0. Остальные места разделили между собой другие партии и независимые кандидаты.

Ряд парламентских партий мы уже охарактеризовали. Но, как можно видеть по результатам выборов, в Румынии есть и другие довольно влиятельные силы. Прежде всего это *Демократический союз румынских венгров* (ДСРВ). Он был создан 25 декабря 1989 г. и включил в себя практиче-

ски все политически активное венгерское национальное меньшинство. Задачи и цели ДСРВ обусловлены положением венгерского населения как национального меньшинства — это требования развития образования, культуры, науки на родном языке, использования венгерского языка в судопроизводстве и в работе местных органов власти, создания условий для расширения связей и контактов с другими частями венгерской нации. Председателем партии был избран Д. Геза.

Экологическое движение Румынии (ЭДР) возникло в первые недели после падения диктатуры Чаушеску (председатель ЭДР — Т. Майореску). Девиз движения — «Чистый человек, чистая страна, чистый мир». В целом ЭДР поддержал ФНС, но борется и за свои специфические цели — защита окружающей среды, борьба с любыми загрязнениями, экологически грамотное хозяйствование, экология культуры и нравственности, защита памятников природы, истории, культуры. ЭДР выступает также за политику открытости, диалога с любыми народами, против насилия и нетерпимости, за соблюдение прав человека и сокращение вооружений, вплоть до их полной ликвидации.

Партия национального единства румын Трансильвании была создана 15 марта 1990 г. как оппонент ДСРВ для отстаивания интересов румын Трансильвании. Платформа этой партии перекликается с принципами союза «*Ватра ромыняскэ*» («*Румынский очаг*»), часть членов которого в известной мере заражены антивенгерскими настроениями. Сам факт быстрого появления в Трансильвании двух партий, отстаивающих интересы представителей двух национальностей, свидетельствует об очень непростой ситуации в этом регионе. Обострение межнациональных отношений стало печальной закономерностью стран, пытающихся перейти от тоталитарных режимов к демократии.

Демократическая аграрная партия Румынии (ДАПР, председатель — В. Сурду) с самого начала рассчитывала на поддержку работников сельского хозяйства, пищевой промышленности, лесного и водного хозяйства, производственной и потребительской кооперации на селе. Если судить по результатам выборов, то эти расчеты оправдались. В основу своей деятельности партия положила принципы демократии и фундаментальных свобод. Она рассматривает румынскую деревню как базу для возрождения национальной экономики, требует передачи земли тем, кто ее обрабатывает, экономической и политической поддержки всех граждан (особенно молодежи), желающих вернуться в деревню.

В отличие от ЭДР *Румынская экологическая партия* (председатель — Ю. Дрэгич) сразу заявила о своей полной независимости от ФНС, имея в виду прежде всего финансовый аспект. Что же касается общеэкологических целей, то они у этих двух политических сил, естественно, во многом схожи.

Выдвигаемые цели и задачи отражены в названии *Румынской демократической социалистической партии* (председатель — М. Кырчумэреску). При этом сторонники партии отдают приоритет развитию личности, индивида, укреплению его прав.

Заслуживает упоминания и *Социалистическая партия труда*, образованная путем слияния осколков РКП и вновь созданной *Демократической партии труда*. Она выступает в качестве внепарламентской левой оппозиции. Возглавил партию один из бывших деятелей режима Чаушеску — И. Вердец.

Победа ФНС на выборах, по существу, означала, что коммунисты получили шанс попытаться вывести страну из глубочайшего кризиса, в который она была ввергнута благодаря политике их прежнего руководства. Сама судьба ФНС стала, однако, полностью зависеть от успешной реализации экономических и политических реформ в стране, глубоко пораженной тоталитаризмом. В подобных условиях перспективы оппозиции весьма Канаде-

живаючи. Ей нет даже необходимости предпринимать специальные усилия по дискредитации ФНС и его правительства, а достаточно лишь дистанцироваться от его политики и ждать его падения либо в результате социального взрыва, либо в ходе предстоящих весной 1992 г. новых парламентских выборов, проводимых в соответствии с принятой в ноябре 1991 г. Конституцией страны.

И дело далеко не в достоинствах или недостатках программы ФНС по выводу страны из кризиса. В борьбе между различными концепциями общественного развития в посткоммунистический период в качестве основных альтернатив выделились социал-демократическая и либерально-демократическая тенденции, идеологически не столь уж и отличающиеся друг от друга. Социал-демократическая программа ФНС, как известно, вобрала в себя многие элементы либерально-демократической концепции переустройства общества. Более того, эволюция правительства ФНС в сторону либерализма оказалась столь стремительной, что буквально застала врасплох исторические партии национал-цэрэнистов и национал-либералов. Возглавлявшие парламентскую оппозицию лидеры национал-либералов вынуждены были критиковать кабинет П. Романа не за существо предлагавшихся мер, а лишь по поводу методов и темпов преобразований.

Следует отметить, что с момента падения диктатуры ни одна политическая партия — как из союзниц ФНС, так и из среды оппозиции — не смогла противопоставить платформе ФНС сколько-нибудь существенно отличающуюся программу. Сходство программных целей и задач привело даже к тому, что после декабрьского переворота в высших руководящих кругах ФНС некоторое время бытовала идея формирования широкого гражданского движения с участием всех политических партий и достижения национального консенсуса на основе платформы ФНС. Под пущенной в оборот формулой об «оригинальной демократии» подразумевалось, например, совместное выступление на выборах всех партий под «крышей» ФНС.

Разногласия между ФНС и оппозицией существуют не столько в сфере программных целей, сколько в вопросе об отношении к коммунистам, прежде всего к номенклатурным кадрам бывшего (и нынешнего) режима. Другими словами, речь всегда шла лишь о том, кто имеет моральное право на власть в стране. С этим связан и острый вопрос о нелегитимности новой власти, не снятый оппозицией даже после выборов 1990 года.

Их результаты не могли не сказаться на политической жизни страны и на положении как внутри правящего ФНС, так и в оппозиционных партиях. Что касается последних, то достаточно, например, указать на раскол в НЛП, в результате которого образовалась *НЛП — Молодежное крыло*. В НЦХДП произошел внутренний конфликт между руководством и молодыми членами партии, вследствие которого от НЦХДП отделились *Независимая НЦХДП* (с центром в городе Крайова), *Национал-цэрэнистская партия* и *Национал-цэрэнистская партия — Линия Маниу-Михалаке*.

В то же время возникали новые оппозиционные партии, образовывались новые блоки и союзы. Так, массовое движение «*Гражданский форум*», объединившее в своих рядах отколовшуюся от ФНС интеллигенцию, на своем первом съезде было преобразовано в партию под тем же названием. Ряд партий объединились в оппозиционную *Конвенцию за установление демократии*.

Можно назвать и другие партии современной Румынии. Это Либерально-демократическая партия социальной справедливости, Партия румынской свободы и демократии, Республиканская партия единства румын, Конституционно-демократическая партия, Партия христианско-демократический союз Румынии (г. Тимишоара), Экологическая демократическая партия, Румынский демократический фронт, Партия Республиканский Союз, Партия христианского союза Румынии, Партия демократического единства, Демократическая партия Румынии, Пар-

тия «Демократическое будущее Родины», Либеральный союз «Брэтиану» и т. д.

Как один из курьезов политической жизни страны можно упомянуть Партию свободного обмена, председателем руководящего совета которой стал профессор-филолог Шт. Казмир. Это — партия юмора в политике. Тем не менее ее руководство относится вполне серьезно к предназначению партии, отстаивая ее право формулировать проблемы, о которых другие предпочитают молчать, сомневаться в том, что общепризнано, право верить в силу улыбки. Эту партию относят к борцам за экологию в сфере морали. Она не вступает в союз с другими политическими силами, не борется за власть, хотя и участвовала в выборах 1990 года. В парламенте партия представлена своим председателем.

Но политическую жизнь Румынии характеризовали не только новые партии. Изменения происходили и внутри ФНС. В нем обнаружилось несколько течений. П. Роман хотя и возглавляет ФНС в целом, в последнее время представляет в большей степени сторонников радикальных реформ. В условиях раскола ФНС он предпринимал усилия по нахождению союзников, увенчавшиеся подписанием совместно с председателями Экологического движения Румынии, Демократической аграрной партии и молодежного крыла национал-либералов «Хартии за реформы и демократию».

Представляется необходимым отметить заметное поправление левого движения. Это, с одной стороны, симптом того, что радикальные изменения в обществе не произошли и велика вероятность их блокирования, а с другой — свидетельство слабости правых партий. Последнее позволяет, а возможно, и понуждает левые силы в странах типа Румынии пытаться проводить правую политику в период, когда объективно назрела необходимость сдвига общества вправо, т. е. играть несвойственную им политическую роль. Это явление неоднородно. Оно говорит как о том, что «реальный социализм» со всеми его деформациями естественно-исторического процесса окончательно не исчез, так и об амбивалентности левоподобных (или правоподобных) движений типа ФНС, содержащих в себе и возможность трансформации движения (или его части) в партию правого толка, и опасность возврата к подлинной левизне. Тот факт, что в Румынии оказалось у власти подобное образование, говорит о том, что на пути от тоталитарного общества к демократическому Румыния продвинулась не очень далеко, вступив лишь в стадию нестабильности, сопровождающей ломку тоталитарных структур и формирование структур демократии.

Объективно в течение 1990—1991 гг. в Румынии наличествовали все основы тоталитаризма, хотя и в несколько ослабленном виде. В экономической сфере это господство государственной собственности с практически мало изменившимися управленческими структурами, устойчивость которых подпитывается нищетой основной массы трудящихся, обуславливающей консервацию и укрепление социально-психологической установки слабозащищенных слоев общества на примитивный коллективизм и уравнительную социальную справедливость. Заметные перемены произошли только в политической сфере. Однако и они не носят радикального характера. Положительным фактом является установление демократии в рамках многопартийной политической системы. Но значимость этого события не стоит переоценивать. Политический плюрализм в стране возник в основном за счет дробления бывшей РКП на более мелкие партии со столь же тоталитарными наклонностями, которые проявляются в реальной политической жизни несмотря на все их демократические программы. Важнее всего то, что политический плюрализм в сегодняшней Румынии проистекает не из изменившихся экономических условий жизни общества, а является следствием неких идеальных представлений о лучшем обществе, позаимствованных отчасти из докоммунистической румынской действительности, а отчасти из политической практики стран Запада. Все это наряду с другими факторами

делает румынскую демократию в значительной степени фиктивной. Но в той мере, в какой она все-таки существует, она имеет, как это ни парадоксально, характер тоталитарной демократии, возникшей на руинах деспотического режима, породившего тотальное бесправие, страх, ненависть и подозрительность всех ко всем.

Румыния, таким образом, находится на начальном этапе перехода от тоталитаризма к демократии. Ситуация такова, что тоталитаризм не может выступать в истинном своем качестве и вынужден (возможно, пока) действовать под чужими лозунгами и отчасти чужими методами, а демократия не может сформироваться как эффективная система в силу отсутствия свойственной ей экономической базы. Подобное пограничное состояние общества чревато зреющей идеей реванша со стороны исторически отживших структур и невозможностью для демократических сил прийти к власти демократическим путем. В конечном счете все это приводит к тому, что ни одна из политических сил не идентична сама себе, т. е. не в состоянии действовать согласно заявленной природе.

Напрашивается вывод о том, что хотя в Румынии, как и во всей Восточной Европе, неоспоримо обнаружился кризис государственно-бюрократического социализма, основанного на тоталитарных экономических и политических структурах, он пока не нашел своего разрешения, а продолжается в виде размежевания политических сил на сторонников постепенной трансформации командно-административной системы и приверженцев резкого перехода на буржуазно-либеральный путь, борьбы между теми и другими отчасти парламентскими, а отчасти непарламентскими методами.

© И. Довженко, 1992